

Завораживающие детективы
Виктории Платовой

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Bye-bye,
baby!

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Bye-bye, baby! / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104568-5

Елена всё поняла. Она видела, как он жмет и прячет глаза. Слушала, как он сбивчиво и невнятно оправдывается, что должен съездить в свой родной город. Он был отвратителен и жалок. И еще ей мучительно хотелось увидеть ту, ради которой он сейчас вот так унижительно врал. И увидела. Они встретились на горнолыжном склоне. Она ни о чем не догадывалась, охотно шла с Еленой на контакт, брала у нее уроки катания и совсем не боялась крутых заснеженных трасс. Совсем не боялась. Потому что ни о чем не догадывалась. Со всем ни о чем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В.Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104568-5

От автора

...Эта книга задумывалась как сборник рассказов. Потом один из рассказов по непонятным причинам разросся, и получилась повесть, и подзаголовок изменился тоже. Теперь он выглядел как «Рассказы и маленькая повесть». А потом, когда была поставлена последняя точка, я вдруг подумала: эти рассказы не могут существовать отдельно друг от друга. То есть могут, конечно, но... Мир в них окажется неполным, необъемным, а история — недосказанной. Так иногда бывает: маленький, ничего не значащий эпизод с нашим участием подталкивает и направляет судьбы других людей. Точно такие же, ничего не значащие эпизоды есть и в жизни этих других. И возможно, со временем слово, невзначай брошенное ими, или поступок, которому они не придали значения, кардинально изменит и нашу судьбу. Через цепочку других поступков и слов. Опосредованно. Или напрямую. Таков уж наш мир: все в нем взаимосвязано, и всем правит рок, и то, что кажется нам случайностью, на самом деле — закономерность.

Об этом книга.

И еще — о любви, как и любая другая книга. В основном — о любви. Всегда единственной, всегда счастливой и всегда несчастной, потому что другой любовь быть не может. Так думала я, когда писала ее. И был еще зимний звонок от моего старого вгиковского друга, с которым мы долгие годы мечтали снять свое собственное зашибись-ки-

но. Он, этот мой друг, абсолютно киношный, абсолютно востребованный, лучший в своей профессии человек, все время забывал, что я давно не сценаристка и просто писать мне нравится гораздо больше, чем писать сценарии. «У тебя есть чего-нибудь классное, что можно снять?» — спросил он. «Сценариев, как обычно, нет, как насчет рассказов? Почитай, может, понравится, сгодится как материал».

Я не успела передать ему эти рассказы. Зимой его не стало, он умер внезапно и страшно несправедливо. А значит, наша старая юношеская мечта о зашибись-кино никогда не воплотится в жизнь. Да и сложись все по-другому, она бы все равно не воплотилась — есть такие мечты, которые так и остаются мечтами. Жаль только, что он не прочел эту книгу — просто так, без дальнего прицела. Кое-что в ней ему обязательно бы понравилось, я знаю это точно. Те места, где речь идет о любви. Абсолютно разной любви, настигшей разных героев и в разное время, и всех их соединившей.

Такие дела...

BYE-BYE, BABY!..

* * *

...Для того чтобы петь под дождем, много мозгов не требуется, это мое глубокое убеждение.

Есть еще несколько занятий, которые также необременительны для умственной деятельности: изучение итальянского по биркам на белье, снятие макияжа, субботний шопинг, набойка каблуков, прослушивание саундтрека к «Kill Bill», секс с водопроводчиком. Мастурбация в душе требует гораздо большего воображения, чем секс с водопроводчиком, и *этой твари* она не по зубам.

Ей не по зубам:

- автомобили с механической коробкой передач,
  - воздушные змеи,
  - кроссворды с фрагментами (кто помнит о том, что они когда-то существовали?),
  - уход за карликовой сосной,
  - приготовление кофе по-турецки,
  - фильм «Селина и Жюли совсем заврались». Ей не по зубам и многие другие вещи, большинство вещей, но это не утешает меня. Не может утешить. Я никогда не видела ее, я даже не знаю, как ее зовут, но хорошо знаю, как она пахнет.
- «Ангел» Тьерри Мюглера.

Этот запах преследует меня, слишком вызывающий, слишком самоуверенный, слишком тяжелый для двадцатилетней. Именно так — ей *двадцать*.

А мне сорок. Я выгляжу на тридцать, но это никого не может обмануть, мне — не двадцать.

«Двадцать» — ключевое слово. Все остальное не имеет значения: мой бизнес, оставшийся от бывшего мужа (гламурный журнал и модельное агентство при нем), счет в банке, три языка, сертификат по дайвингу, поездки в Африку на сафари, поездки в Милан на показы, горнолыжное снаряжение по цене «Боинга», лифчики по цене автопогрузчика, коллекция вин, коллекция примитивной латиноамериканской скульптуры, а неделю назад я обнаружила крошечное пигментное пятно. Между большим и указательным пальцами на левой руке, — ничего удивительного, мне уже сорок. И Влад больше не любит меня.

Вряд ли он страстно любил меня, когда мне было тридцать семь, но тогда он по крайней мере не изменял. В тридцать семь я выглядела на те же тридцать, без всяких усилий, без всяких подтяжек, две пачки сигарет в день, крепость утреннего кофе зашкаливает, крепость вечернего виски зашкаливает, крепость ночного флирта зашкаливает, я встретила Влада себе на беду.

Ровно три года назад.

Со дня годовщины прошла неделя. По иронии судьбы она выпала на тот самый день, когда я обнаружила пигментное пятно, — и впервые за три года Влад забыл поздравить меня. Эта среда стала роковой, до этой среды я еще на что-то надеялась, связь с двадцатилетней мерзавкой не может быть серьезной, убеждала я себя, ей просто нечего противопоставить моим лифчикам по цене автопогрузчика, да и носит ли она лифчики? В двадцать можно обойтись и без них. И без коллекции вин, и без сертификата по дайвингу, в двадцать тебя любят просто потому, что тебе двадцать. Других причин нет.

Все дело во взгляде, говорит Шамарина. Шамарина — моя школьная и единственная подруга. Расползшаяся до

пятьдесят шестого размера Шамарина, мать двоих детей и клиническая неудачница. Шамарина работает бухгалтером в маленьком турагентстве, не прогорающем только потому, что их VIP-клиентом являюсь я с моими мальчиками из журнала и моими девочками из агентства, это — единственное, что я могу сделать для Шамариной. За последние десять лет она не взяла у меня ни копейки — ни в долг, ни просто так, это ее принцип. «Давай не будем омрачать нашу дружбу товарно-денежными отношениями», — говорит Шамарина. «Я беру взятки только борзыми щенками», — говорит Шамарина. Щенка породы мастино — вот что мне удалось таки втюхать Шамариной за последние десять лет. Впрочем, теперь это уже не щенок, теперь это лошадь Пржевальского, говорит Шамарина. Лошадь откликается на имя Тришка и очень удивилась бы, что при рождении ей было дано другое имя с двумя приставками «фон»; имя, не уместящееся и в трех строках ее собачьего паспорта. Тришка и Тришка — и в этом вся Шамарина. Еще у нее имеются два кота, Кузька и Васька, так же зовут ее детей.

Все дело во взгляде, говорит Шамарина, у двадцатилетних взгляд двадцатилетних. Наивный, дерзкий, горящий, мерцающий, жадный, ищущий приключений, ищущий, чего бы пожрать, ищущий любви, ищущий одиночества (и любовь, и одиночество — благо, когда тебе двадцать), «а не курнуть ли нам травы?» — легко читается в этом взгляде, «а не угнать ли нам тачку?», «а не пошли бы вы на хрен, мэм?».

Взгляд двадцатилетних нельзя сымитировать, говорит Шамарина. Даже когда тебе двадцать пять.

Мне — сорок.

И Влад больше не любит меня.

Ты должна была быть к этому готова, говорит Шамарина. Каждый, кто рискнул завести себе любовника на тринадцать лет моложе, должен быть готов к этому.

Я оказалась не готова.

Не то чтобы я совсем уж исключала такую возможность, нет. Тем более что я все еще выгляжу на тридцать, а Влад на свои проклятые двадцать семь, так что разница сократилась до трех лет, которые мы знаем друг друга. Я бросила курить — на второй день после знакомства с Владом, на четвертый — записалась в фитнес-клуб, еще через две недели купила абонемент в плавательный бассейн. Я встретила свою любовь во всеоружии, холодном, огнестрельном, тактическом, стратегическом, в гонке вооружений равных мне нет.

Он не мог устоять. И он не устоял.

Провинциальный мальчик с неправильным прикусом и роскошным телом жиголо, брюнетистый подлец, мужчины такого типа не обещают женщинам ничего, кроме страданий, говорит Шамарина. Я влюбилась в него сразу, я готова была страдать.

А он... Он и не пытался выглядеть влюбленным. Он просто переспал со мной — на второй день после знакомства. На четвертый — перенес ко мне свои вещи, уместающиеся в небольшой спортивной сумке (я даже не пыталась узнать, где он жил до этого). Еще через две недели он сменил спортивную сумку на спортивный автомобиль, и я сделала его заместителем главного редактора.

Нужно отдать должное Владу: сам он не требовал ничего. Ни спортивного автомобиля, ни должности. И не стал впадать в лицемерное негодование, когда получил их, — уже за одно это я была ему благодарна. Он не был глупым. Недостаточно умным, чтобы сделать карьеру самому, без чьей-либо поддержки, — да. Но не глупым. Он был естественным, его естественность — вот что сражало наповал, вот что было *ego* стратегическим оружием. Он был заботлив, но без навязчивости, нежен, но без приторности, он обладал редким для мужчины качеством: быть рядом

именно тогда, когда ты нужен, не раньше и не позже, а в тот самый момент. И потом... он оказался фантастическим любовником. Что-то подобное я предположила сразу, как только увидела его. Впрочем, «увидела» — не совсем точное слово. Я влюбилась в звук его голоса, еще не видя. Все, что он спросил у секретарши, — примет ли его директор агентства. Дверь в кабинет была приоткрыта — в этот момент все и началось. В лицо мне подул морской бриз, и горячий ветер пустыни, и холодный ветер предгорий, и множество других ветров с нежными именами, их никогда не запоминаешь, но всегда хочешь ощутить их дыхание.

Снова и снова.

Тогда-то я и почувствовала себя живой. Восхитительно живой, с песком, набившимся в туфли, с солью, набившейся в кожу, со свежесодранным коленом, с царапиной на запястье, с леденцом во рту, с музыкальной шкатулкой в сердце. Все, о чем я мечтала в детстве, сосредотачивалось на этой музыкальной шкатулке, и вот теперь, спустя столько лет, я ее получила.

Если бы не секретарша, я переспала бы с ним сразу, я занялась бы с ним любовью прямо в кабинете, на столе, на полу, — если бы не секретарша...

Секретаршу я уволила на следующий же день.

Я распустила бы и все агентство, и журнал в придачу — чтобы не искушать судьбу, — я гильотинировала бы всех красоток, чтобы устранить малейшее препятствие на пути к Владу, но крайних мер не потребовалось. Моделью он не стал. И не потому, что не хотел стать. Первое же портфолио, которое мы состряпали для Влада с Женькой, нашим ведущим фотографом, получилось провальным. Любивший себя в искусстве Женька расстроился настолько, что запил горькую и на три дня вылетел из графика. Я застала его в ирландском пабе с бутылкой русской водки, Женька почти рыдал и клялся, что дело не в нем, и не в объекти-

вах, и не в фильтрах, и не в свете, с этим все в порядке, с этим все *trus bien*, — все дело в мясе. «Мясом» Женька называл модели, которых приходилось снимать, все эти смутные объекты желания с ключицами и щиколотками, не существующими в природе, с губами богинь, с глазами фарфоровых кошек; все дело в мясе, сказал мне Женька.

Все дело в мясе, а мясо — с гнильцой. Тут и Жиль Бенсимон почувствовал бы себя профнепригодным (модный фотограф Жиль Бенсимон был fashion-идолом Женьки), на снимках Влад не выглядел уродом, его роскошное тело было при нем, но черт возьми! — смотрелось оно совершенно непристойно. Это не была непристойность порнографии, это была... это была непристойность смерти. Непонятно, откуда шло это ощущение, но от него невозможно было избавиться, как будто по тебе ползали не самые приятные насекомые, как будто тебе в ноздри забивалась земля, как будто из век у тебя пробивались корешки, бледные, немощные, как будто во рту у тебя стоял привкус болотной воды.

Женьку я уволила через неделю после секретарши и постаралась забыть о нем. И о снимках, которые он сделал. И — забыла. Влада не любит камера, пусть так. Но его люблю я — и этого достаточно. За три года жизни вместе он ни разу не заставил меня пожалеть ни о чем, за три года меня обдували самые разные ветра, и все они были прекрасны, и царапина на запястье так и оставалась царапиной, и леденец у меня во рту не таял, и музыкальная шкатулка играла, играла, играла... И мы все еще оставались любовниками, мы так и не выбрались из первой фазы отношений, когда желание застаёт тебя в самых неподходящих местах, и ты совершенно не в силах ему сопротивляться. Чилл-ауты в клубах, заднее сиденье машины, лифты, последние ряды в кинотеатрах, тамбуры в поездах, туалеты в самолетах — мы перепробовали все, были

и совершенно экзотические места типа музейного зала мастеров раннего Северного Возрождения, и совсем уж экзотические ситуации, когда мы с Владом однажды прервали переговоры, отправились в комнату для совещаний и сделали *это* там.

Три долгих года я была счастлива.

И вот теперь все рухнуло.

Из-за двадцатилетней твари, которая увела моего Влада. Последнюю неделю я развлекаю себя тем, что придумываю ей все новые и новые эпитеты: мерзавка, липучка, дрянь, дешевка, девочка на шекель, пионовый фонарь, дурная кровь, глубокая глотка, давай-сделаем-это-по-быстрому-сучка, рикша из Шанхая, графиня из Гонконга, сирена Миссисипи, новобрачная была в черном, бей первым, Фредди, прощай, моя наложница; имеются в наличии и другие эпитеты — непечатные.

Фильм недели: «*Господи, что я сделала, чтобы заслужить это?*» (арт-хаус).

Композиция недели: «*You don't know how much you can suffer*» (кул-джаз).

Книга недели: «*Замки гнева*» (постмодернистская срань).

Сок из свежесжатых апельсинов, зубные щетки, дверные ручки, тостер, ершик для унитаза, шесть из семи латиноамериканских скульптур, кофейные зерна, эпилятор, беговая дорожка, антицеллюлитный массажер — все в доме пропитано чертовым «Ангелом» Тьерри Мюглера. Я готова поклясться, что и сперма Влада пахнет «Ангелом», и это он, Влад, принес запах в дом. Протащил, протиснул, приволок, утвердил, водрузил, в жизни моей мне не было так плохо.

Меня тошнит от этого запаха, прущего изо всех щелей.

И ничто не может его перешибить.

Сюрреализм ситуации заключается в том, что несколько лет назад, еще до появления Влада, точно такого же

«Ангела» я подарила Шамариной на День взятия Бастилии, я хорошо помню светло-голубой флакон в форме звезды (так изображают звезды дети и слепые) — с двумя вытянутыми лучами. Шамарина посчитала запах слишком претенциозным для своего пятьдесят шестого размера и отдала духи сыну Ваське, с условием, что он подарит их своей подруге Дашке, которая нравилась Шамариной. Васька же сбавил духи второй своей подруге, Симке, которую Шамарина на дух не выносила.

На этом следы «Ангела» затерялись во времени, и я и представить себе не могла, что когда-нибудь он снова всплывет.

Посещение парфюмерного, куда я, проклиная себя, зашла, чтобы еще раз увидеть врага в лицо, облегчения не принесло. «Ангелы» (все в тех же флаконах) стояли на полке между «Magie noire» и чем-то совсем уж цветочно-бессмысленным, кажется — «Diorissimo». Они стояли на полке, падшие, с вероломно сложенными крыльями, и имя им было — легион.

Двоих из легиона я приобрела, чтобы тут же размозжить им головы у стены соседнего дома: стеклянные осколки брызнули во все стороны, и мне на секунду стало легче. И я уже подумывала о том, чтобы отправиться за следующей партией, когда позвонила Шамарина. Я всегда ценила ее за честность, она была честна и сейчас.

— Только что видела твоего, — сообщила мне Шамарина. — В мексиканской забегаловке на Фонтанке.

— И что?

— Он там не один. С девушкой.

— И что?

— Тебе в подробностях? — Безжалостный тон Шамариной не предвещал ничего хорошего.

— Валяй подробности.

— Она не старше двадцати. Симпатяга. Еще подробности?

— Валяй.

— Они целовались. Еще подробности?

— Еще. — Я должна была остановить Шамарину именно в этом пикантном месте или чуть раньше, но не сделала этого, я с каким-то сатанинским остервенением решила двинуться навстречу собственной гибели.

— Они целовались врасос. И он кормил ее с рук. И вообще, они чуть столик не опрокинули... Ну, ты же знаешь, как это бывает.

О да, я знала, как это бывает. Я знала это очень хорошо. Я знала, что такое летать, что такое парить — над тайским супом с креветками, кус-кусом, курицей в соусе терияки, паэльей и сыром манчехо; я знала, что такое «кормить из рук», от этого «кормить» сердце мое выпускало ростки, они отпочковывались и превращались в такие же сердца, только маленькие. И маленькие сердца бились, стонали и подрагивали в каждом уголке моего тела, они забирались в горло и совершали головокружительный спуск в пах, они звенели, они вскрывали музыкальную шкатулку моего большого сердца острыми перочинными ножами, и я все, все прощала им ради упоительных секунд, минут, дней, недель, лет.

Теперь же я была не намерена прощать — никому и ничего, а «целоваться врасос»... Об этом лучше не думать.

— Ну, ты как там? — запоздало забеспокоилась Шамарина.

— Я в порядке.

— Слава богу! Я ведь предупреждала, душа моя: тот, кто решил завести себе любовника на тринадцать лет моложе, должен быть готов ко всему.

— Я в курсе. — Неужели это мой голос? Пустой, как сгнивший орех, бесцветный, как лак, которым пользовалась моя секретарша. Хорошо, что я ее уволила...

— Ты все-таки как?